

Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации в 1860–1880 годах*

Сергей Абашин

Для понимания происходившего и происходящего в Средней Азии принципиальное значение имеет вопрос о наличии или отсутствии института общины в социальном устройстве среднеазиатского общества в XIX–XX веках. Несмотря на важность этого вопроса, историки и этнографы так и не смогли найти однозначный и окончательный ответ на него. Впрочем, может быть, именно потому, что от него зависит слишком многое, согласия и нельзя достичь: расхождения между разными исследователями касаются не столько фактов как таковых, сколько общих подходов и даже идеологических принципов.

В настоящей статье я попытаюсь показать суть и основные этапы дискуссии по поводу «общинного вопроса» в русском Туркестане. Происходила она в 1860–1880-е годы. Я подробно остановлюсь не только на самом обсуждении, но и на его контексте. Меня интересуют политические и даже личные обстоятельства, которые сопровождали спор и оказывали заметное влияние на его ход и, возможно, результаты. Вместе с тем я не стремлюсь занять чью-либо сторону в дебатах о существовании или несуществовании общины в Средней Азии. Я скорее «встаю над схваткой», потому что это позволяет взглянуть на рассматриваемую мной дискуссию не столько как на отражение реальности, сколько как на мощный фактор воздействия на реальность, ее конструирования.

Сергей Николаевич Абашин, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской Академии наук, Москва.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 01-01-00290а).

I

1860–1880-е годы были переломными в истории Средней Азии. В это время значительная часть региона (Ташкент, Самарканд, Ходжент, Ферганская долина) была включена в состав Российской империи. В 1865 году Сыр-Дарьинская и Новококандская линии были объединены в Туркестанскую область в составе Оренбургского генерал-губернаторства, а 11 июля 1867 года было образовано Туркестанское генерал-губернаторство (Туркестанский край). Российская власть поставила перед собой задачу переустройства присоединенных земель. Одним из центральных вопросов русской политики стал земельный. Основной спор развернулся вокруг частной собственности: должна ли она быть абсолютной или же ограниченной, а если ограниченной, то в какой мере. На этом общем фоне обсуждалась проблема общины, общинного землевладения и землепользования.

Прежде чем рассказать о дискуссиях по поводу общины в Средней Азии, надо хотя бы кратко остановиться на отношении к общине в русской мысли XIX века. Считается, что первым обратил внимание на феномен русской общины прусский барон А. Ф. Гакстгаузен во время своего путешествия по России в 1843 году. С тех пор понятие «община» неизменно присутствует в разного рода проектах социального и экономического устройства России. История государственной политики в отношении общины «изобилует многочисленными колебаниями, столкновениями различных мнений, приливами и отливами в выборе тех или иных решений, которые отражали ход борьбы в верхах либеральной и консервативной тенденций аграрного курса»¹. Деление на либералов и консерваторов — удобная схема, но она преувеличивает идеологический фактор в обсуждения «общинного вопроса». Кроме партий по мировоззрению образовывались партии или группы по конкретным вопросам, а то и по личностным предпочтениям, так что те же либералы или консерваторы могли не любить и даже подсиживать своих идеологических сторонников. (В силу этого употребление понятий «партия», «либералы» и «либеральный», «консерваторы» и «консервативный» оказывается во многом условным; их следовало бы заключать в кавычки, и если я этого не делаю, то лишь для того, чтобы не испестрить ими текст.)

Поначалу спор об общине имел сугубо интеллектуальный характер, однако уже тогда обозначилась неоднозначность позиции каждой из спорящих сторон. Например, слывший либералом Б. Н. Чичерин считал, что русская община — это результат государственных уста-

новлений (как сказали бы сейчас — конструирования), а не некоего договора, и что основа общественного богатства — частная собственность. В то же время его идеологический соратник К. Д. Кавелин был против отказа от общины, поскольку видел в ней средство от разорения крестьянства². Славянофилы Ю. Ф. Самарин и А. И. Кочелев всячески поддерживали общину, считая ее отражением «духа русского мира», тогда как их идейные единомышленники Н. А. Милютин и князь В. А. Черкасский признавали неизбежным переход от общинного к частному землевладению³.

Ключевым в практическом и политическом осмыслении понятия стало время реформ Александра II. Тогда надо было решать, каким должно быть поземельное устройство российского общества после отмены крепостного права. Победу одержали поклонники общины, что нашло отражение в законодательных актах о сборе налогов, переделах и т. д. Но условно выделяемая либеральная партия, которую в разные годы представляли высшие чины русской бюрократии (министры внутренних дел, министры финансов, военные министры и др.), не оставляла попыток изменить отношение к общине. Либералы из числа чиновников не призывали упразднить общину немедленно; скорее они были за то, чтобы облегчить свободный выход из нее. Их усилия не пропали даром.

В 1864–1865 годах на различных собраниях и съездах, посвященных сельскому хозяйству, многие влиятельные экономисты выступили с критикой общины как тормоза прогресса⁴. В 1868 году с докладом к правительству обратился пленивший знаменитого имама Шамиля генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский, считавшийся славянофилом. Он выдвинул новые аргументы против общины: она — социалистическое по своей сути образование и поэтому с ней связан рост революционных настроений⁵. Иначе говоря, либеральное направление в земельном законодательстве получило поддержку со стороны группы влиятельных державников, считавших своим главным долгом борьбу с «крамолой». В 1871 году Барятинский и другой могущественный консерватор шеф жандармов граф П. А. Шувалов, обратились с критикой общины непосредственно к Александру II⁶. В 1872–1873 годах по инициативе министра государственных имуществ П. А. Валуева работала комиссия, подготовившая доклад, в котором утверждалось, что община является препятствием для успешного развития сельского хозяйства⁷. В 1879 году министр внутренних дел (напомним, что это должностное лицо традиционно считалось самым влиятельным среди министров)

Л. С. Маков заявил об изменении позиции правительства в пользу принципа частной собственности⁸. В 1880—1881 годах влияние либералов в высших кругах резко усилились: как известно, даже разрабатывались планы введения элементов конституционной монархии. Тогда были инициированы законопроекты об облегчении выхода из общины, об отмене круговой поруки и т. д.⁹.

После гибели Александра II, благоволившего к либералам, те вынуждены были уйти из правительства¹⁰. Напротив, сторонники общины получили хороший шанс для укрепления своих позиций. Спор по поводу общины между слабеющими либералами и усиливающимися консерваторами продолжался примерно до середины 1880-х годов.

1 марта 1882 года очередной министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев, который имел связи с обоими лагерями и был явно компромиссной фигурой, подписал документ «По вопросу о переходе от общинного пользования землею к подворному». Но уже в мае того же года он был отправлен в отставку¹¹. Один из последних могущественных противников общины, министр финансов Н. Х. Бунге, покинул свой пост в 1887 году. Победившие консервативные настроения получили воплощение в целом ряде законов 1886—1893 годов¹². Новый либеральный поворот наметился лишь в начале XX века и окончательно совершился при министре внутренних дел П. А. Столыпине.

Деление на разные течения по принципу отношения к общине было характерно и для социалистической оппозиции. Социалисты-народники видели в общине прообраз справедливого (коммунистического) устройства общества. Так, идеолог народничества Н. Г. Чернышевский, следуя логике гегелевской триады (тезис — антитезис — синтез), таким образом доказывал неизбежность перехода к коллективному производству: «Высшая степень развития по форме сходна с его началом — это мы видим во всех сферах жизни... именно потому, что общинное владение есть первобытная форма, и надобно думать, что высшему периоду развития поземельных отношений нельзя обойтись без этой формы»¹³. Более противоречивой была позиция социал-демократов. Для них община была социальным институтом, который сдерживает расслоение крестьянства и тормозит образование «передового» класса — пролетариата¹⁴. Однако в социал-демократической традиции имелось и мнение «классиков марксизма» о том, что русская община может стать исходным пунктом коммунистического развития при условии победы пролетарской революции в

Европе. Об этом писал К. Маркс в письме Вере Засулич в 1881 году; правда, само письмо и наброски к нему стали известны гораздо позже¹⁵. Подобного рода размышления оказались актуальными в 1920-х годах, когда пришедшие к власти большевики искали новую формулу аграрного развития России.

II

Борьба во властных кругах двух партий и двух подходов к общине хорошо заметна в истории формирования земельной политики в Туркестане.

В 1865 году руководимой Ф. К. Гирсом (о нем см. ниже) так называемой Степной комиссии было поручено выработать принципы российского присутствия в Средней Азии. В 1867 году комиссия представила временное Положение об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве. В этом первом законодательном документе проблема земельного устройства рассматривалась очень неконкретно. О взглядах членов комиссии можно судить по записям одного из ее членов, А. К. Гейнса, который считался главным редактором временного Положения. Прокламируя равноправие коллективной и индивидуальной собственности, он утверждал: «Общественный вид владения землею первоначально был единственной формой землевладения в Средней Азии»¹⁶. Каждый год участки земли распределялись заново; в полную собственность земля могла перейти лишь в том случае, когда хозяин заводил на своем участке сад и огораживал его. Эти положения почти дословно повторены в Объяснительной записке, подготовленной Степной комиссией¹⁷.

В 1867 году «Главным начальником» во вновь образованное Туркестанское генерал-губернаторство был назначен генерал-адъютант К. П. фон Кауфман*. Он поддержал выводы Степной комиссии и

* Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882). Представитель знатной немецкой фамилии. Воевал на Кавказе, в 1858 году — в свите Его Императорского Величества, в 1862 году — генерал-майор, в 1864 — генерал-адъютант, в 1865 — Виленский генерал-губернатор. В июле 1867 года при поддержке военного министра Д. А. Милютин был назначен командующим войсками Туркестанского военного округа и генерал-губернатором Туркестанского края. В 1873 году — почетный член Петербургской Академии наук, в 1874 — инженер-генерал. В 1875 году за присоединение Ферганской области был награжден шпагой с бриллиантами¹⁸. Современники писали, что он был «хотя и с немецкою фамилией, но истинно православный и русский»¹⁹.

даже поставил Гейнса руководителем своей канцелярии. Правда, уже через два года из-за разногласий с Кауфманом Гейнс покинул Туркестан.

В 1869 году работала комиссия генерал-майора А. И. Гомзина, заменившего Гейнса. В ее предложениях говорится о необходимости передать земли не в подворное, а в коллективное владение сельских обществ. Обоснование как будто чисто практическое: подворное разделение приведет к неоправданным и несправедливым захватам земли и возникновению многочисленных тяжб и исков; кроме того, оно усложнит межевание. Но был использован и такой довод: наделение земель отдельных домохозяев «фактически не нашло бы применения, в виду существования и значительного распространения в крае земель общинных»²⁰. Члены комиссии полагали, что должны быть узаконены обе формы владения: и участковая («имеет за собою письменное мусульманское право»), и общинная («поддерживается народным обычаем»)²¹. При этом не следует отдавать предпочтение какой-либо одной форме, оставив право выбора между ними самим сельским обществам. Тем не менее комиссия пришла к заключению, что «преимущественное положение занимал в Туркестане общинный характер владения землей»²².

Идеи, высказанные комиссией Гомзина, скорее всего отражают настроения в администрации Кауфмана в начальный период ее работы. В подтверждение можно сослаться на эпизод, имевший место в 1872 году. Тогда при обсуждении поземельного вопроса члены очередной комиссии Л. Н. Соболев (с 1882 года — начальник Азиатского отдела Главного штаба) и А. Д. Гребенкин выступили за приоритет участкового владения землей; однако их предложение было отвергнуто со ссылкой на то, что оно приведет к нарушению «обычных порядков»²³.

О популярности этого довода свидетельствуют также высказывания некоторых выдающихся деятелей Туркестана в 1870-е годы. Например, влиятельный исследователь М. А. Терентьев считал, что «порядок в этом деле (пользование водой. — С. А.) может быть введен только при общинном владении землей, когда интерес частный исчезает, уступая место интересу общественному»²⁴. Он же писал, что община присуща мусульманскому праву, а «новый принцип частной поземельной собственности» внесен в Туркестан русскими²⁵. Терентьев также утверждал, что «интересы государства... исторический ход цивилизации, стремление кочевников к оседлости, масса безземельных батраков, наконец, наши русские переселен-

К. П. фон Кауфман

цы — все это требует возрождения общинного начала, как единственного, обещающего будущее при здешних условиях, т. е. при искусственном орошении»²⁶. Ссылаясь он и на опыт англичан в Индии, которые «ввели там частное землевладение и теперь раскаиваются»²⁷.

В 1871 и 1873 году Кауфман направлял на рассмотрение в Петербург планы земельной реформы. При этом он отмечал, что, хотя земельные отношения у оседлого населения Средней Азии были «запутаны, неясны и разнообразны», в них был один основной принцип: все туземные землевладельцы были поставлены в зависимость от государства, что безусловно исключало «во всех этих отношениях признание начала “частной собственности”, характеризующего наше Европейское понятие о землевладении»²⁸.

Соображения туркестанского генерал-губернатора вызвали серьезную критику со стороны различных центральных ведомств Империи: министерство иностранных дел усмотрело в них «общественный переворот», министерство финансов — обширную «экспроприацию» земли у населения, а государственный контролер посчитал, что предложенная аграрная система противоречит «всем бытовым условиям неразвитого и фанатичного населения»²⁹. Все предрекали политические осложнения в случае воплощения кауфманского плана в жизнь. Министерство финансов напомнило также, что в России идет реформа, цель которой — передача земли в собственность крестьян, тогда как Кауфман хочет сделать «туземных» крестьян владельцами на государственной земле³⁰.

Своим критикам Кауфман отвечал так: он действительно не предполагал создавать в Туркестане класс частных собственников — зато намеревался утвердить фактическое землепользование, а в этом случае юридически наиболее подходящим ему представлялось понятие «право постоянного пользования». Тем самым подтверждается, что спор шел не столько об общине, сколько о том, передавать ли землю в полную частную собственность, или же оставить ее в государственной собственности при одновременном, фактически пожизненном и наследственном, частном владении. Община же фигурировала в качестве дополнительного аргумента в пользу второго решения.

В 1874 году новый план поземельного устройства в Туркестане разработала созданная при военном министре комиссия генерала А. А. Непокойчитского*. План этот, по мнению самих членов комиссии, был результатом «теоретического изучения аграрной системы Средней Азии», согласованного «с законоположениями Империи»³¹.

Члены комиссии констатировали: «В большей части Туркестанского генерал-губернаторства распространен участковый вид землевладения. Там, где этот вид владения преобладает, население находится в весьма выгодных экономических условиях. В тех селениях, где существует общественный вид владения, земледелие не достигает цветущего состояния»³². Соответственно комиссия Непокойчитского стремилась законодательно закрепить приоритет участкового владения над общинным. Например, допускалось, что решение

* Артур Адамович Непокойчитский (Непокойчицкий) (1813–1881). Воевал на Кавказе, в 1868 году — генерал от инфантерии, член Военного совета, в 1874 году — генерал-адъютант, в 1878 — член Государственного совета³².

вопроса о разделе общинных земель на постоянные подворные участки может производиться при голосовании членами сельского общества простым, а не квалифицированным большинством. Это должно было облегчить процесс перехода от общины — там, где она еще сохранялась, — к участковому владению.

Комиссия обосновывала свои предложения такими аргументами:

«Для прочности русской власти в крае, представляется совершенно необходимым развивать личные интересы туземцев, а не придавать интересам общественным известную силу. Развитие и упрочение личных интересов землевладельцев Туркестана будет верным средством избежать в будущем таких осложнений, которые легко могут принять характер политических волнений <...> Небезызвестно, что при всех случившихся недоразумениях, беспорядках и даже столкновениях русской сельской общины с администрацией, каждый член общины, взятый в отдельности... никогда не представлял собой никакого затруднения, но все они, взятые вместе, представляли иногда такое сопротивление, что приходилось прибегать... даже к военной силе. И если особые политические и финансовые соображения привели к необходимости поддержать общинное землевладение в великорусских губерниях Империи, то этого никак нельзя безусловно применять к населению, совершенно чуждому русским интересам и по своему племенному происхождению и по своей религии. Одним словом, нам нет надобности устраивать туркестанских землевладельцев таким способом, который легко может сплотить чуждые и враждебные для нас их общественные интересы»³⁴.

Напомню: Барятинский писал о социалистическом характере русской общины, из чего делал вывод о необходимости развития индивидуального начала в экономической и социальной жизни. Этот тезис позволил либералам и части консерваторов в какой-то момент найти согласие по вопросу о поземельном устройстве русского общества. Когда же понадобилось осуществить такое устройство Туркестана, аналогичную роль сыграл вывод комиссии Непокойчитского о **политической** опасности «туземной» общины для русской власти.

Правда, произошло это не сразу. «Главный начальник» Туркестанского генерал-губернаторства вначале резко критиковал ту часть проекта комиссии Непокойчитского, в которой говорилось о необходимости более последовательного, более решительного внедрения принципа частной собственности. Считая такой вывод тенденциозным, Кауфман справедливо замечал: «Пока у нас еще нет хорошо

изученной истории местной поземельной общины»³⁵. Приводил он и некоторые факты, указывающие, по его мнению, на то, что община продолжает играть важную роль в жизни среднеазиатского населения. Это и ирригационные работы, которые «дают стойкий общинный характер поземельным отношениям туземцев», и другие обстоятельства, ограничивающие подворную собственность (право выгона на сжатых или незапаханных полях, обязательный совместный севооборот и т. д.)³⁶. Генерал-губернатор считал, что их нельзя игнорировать, что без их учета «регламентация форм пользования землею, притом направленная к разрушению общинных связей в народе, — осталась бы чисто искусственной, не приложимой к туземному быту»³⁷.

К какой партии принадлежали Кауфман и его единомышленники из туркестанской администрации? Существует мнение, будто Кауфман проводил в Туркестане «радикальную демократическую земельную реформу», тогда как «петербургская бюрократия» защищала интересы «туземных помещиков»³⁸. Однако простая оппозиция «либералы — консерваторы» если и приложима к данному случаю, то с серьезными оговорками. Кауфман, несомненно, относился к плеяде деятелей, которые были востребованы в эпоху реформ Александра II, входил в команду либералов (в частности, поддерживал военного министра Д. А. Милютина) и потому подвергался нападкам со стороны открытых консерваторов. Тем не менее в вопросе земельного устройства Туркестана он придерживался очень умеренных, почти консервативных взглядов, за что его резко критиковали уже либералы во власти. Отчасти эта критика была следствием соперничества разных министерств. Известно, что на протяжении всего существования Туркестанского края могущественное министерство внутренних дел и другие гражданские ведомства пытались усилить свое влияние на туркестанские дела и ограничить всевластие военного министерства, в управлении которого официально числилось генерал-губернаторство³⁹. Впрочем, как показывает факт создания комиссии Непокойчитского и ее предложения, и в военном министерстве были недовольны излишней самостоятельностью туркестанской администрации и, очень может быть, что обвинения в консерватизме были лишь способом ее «укоротить». Наконец, надо иметь в виду и личный момент: Кауфман был, видимо, человеком увлекающимся, любил принимать самостоятельные решения и с трудом отказывался от них.

На протяжении 1870-х годов под воздействием то ли петербургских верхов и российского общественного мнения, то ли внутренней логики развития позиция администрации Кауфмана претерпевала изменения в сторону большей либерализации земельных отношений в Туркестане. Так, в проекте Положения о поземельном устройстве Туркестанского края от 1872 года ст. 13 гласит: «Оседлые инородцы могут владеть отведенными им в потомственное владение землями на праве общинном, — в составе обществ, или на праве наследственном, — отдельными семейными участками». А в статье 14 устанавливается, что раздел общинных земель происходит при согласии $\frac{2}{3}$ членов сельского схода, тогда как для обратного перехода, из участкового в общинное владение, требуется уже единогласное решение⁴⁰. То же было повторено в проекте Положения от 1873 года⁴¹. В проекте же Поземельного устройства Ферганской области, написанном в конце 1870-х годов, в статье 13 говорилось: «Инородцы владеют отведенными им в надел землями на праве наследственном, отдельными семейными участками. Общинное землевладение допускается лишь в тех поселениях, где оно существовало до издания настоящего положения»⁴². Видно, что формулировка, обозначающая отношение к общине, смягчилась, стала гораздо более гибкой.

Не исключено, что на такую эволюцию взглядов «кауфманцев» оказало влияние мнение академика А. Ф. Миддендорфа*. Кауфман пригласил его в 1878 года для исследования условий земледелия в Ферганской области, избранной им в качестве полигона для отработки новых правил землеустройства.

От лица «большой науки» Миддендорф заявил следующее: «Установление в Туркестане аксиомы: каждый владеет лично, было большой заслугой, ведь индивидуальное владение — единственно желательное, как в экономическом, так и политическом отношениях, так как весьма важно укрепить в чуждом населении интерес частный, преодолевающий всякое сопротивление, а не интерес общий, и так как частное владение уже развилось гораздо благоприятнее, чем владение общинное»⁴³. Назвав литературу в пользу общины, якобы

* Александр Федорович Миддендорф (1815–1894). В 1837 году окончил Дерптский (Тартуский) университет, в 1842–1845 годах совершил путешествие по Северной и Восточной Сибири и Дальнему Востоку, по итогам которого подготовил отчет с подробным естественно-историческим описанием этих территорий. В 1850 году — академик, в 1878 году совершил путешествие в Фергану, в 1883–1885 годах возглавлял экспедицию по обследованию состояния скотоводства в России. В его честь названы мыс на северном острове Новая Земля и залив на полуострове Таймыр.

являющейся панацеей от социальных язв «гнилого Запада», «памятником этническо-патриотических заблуждений», Миддендорф определил общинное владение землей как «тормоз, который у нас совершенно ошибочно считается якорем спасения славянского происхождения». «В действительности такое владение есть лишь выражение первобытного коммунистического состояния и плод некоторых национальных особенностей...»⁴⁴. Утверждение, «будто общинное землевладение представляет в Средней Азии преобладающую и даже исключительную форму владения землей, ибо оно необходимым образом развилось из невозможности производить орошение для каждого отдельного земледельца, — это утверждение совершенно неосновательно»⁴⁵. Община — тормоз на пути к интенсивному хозяйствованию, следовательно, «те господа (не выпад ли это в адрес Кауфмана и его сторонников? — С. А.), которые захотели бы утверждать, что в конце концов выходит на одно: будет ли этот капитал принадлежать отдельным общинам, или всей совокупности их — государству, впали бы в большое заблуждение. История поземельных отношений всех государств показывает нам, что переход общинных земель в личную собственность — такова конечная судьба общинного землевладения в огромном большинстве случаев»⁴⁶.

Кстати, в книге Миддендорфа «Очерки Ферганской долины» упоминаются черновые разработки, делавшиеся в администрации Кауфмана и свидетельствующие об определенной популярности планов укрепления общинного землевладения. Миддендорф приводит даже такую выписку из решений местных чиновников: «Так как каждое личное землевладение имеет право на воду, то все те полевые участки в личном владении, которые страдали от недостатка воды, должно рассматривать как общинные земли, противозаконно захваченные»⁴⁷. По мнению академика, это прямой призыв к экспроприации частной собственности.

При этом Миддендорфа нельзя назвать безусловным сторонником «европейского неограниченного права собственности». Он считал, например, что надо сохранить норму мусульманского права, согласно которой земля, не обрабатываемая в течение трех лет, перестает быть личной собственностью⁴⁸. В споре о том, каким большинством голосов сельское общество может решать вопрос о разделении поземельных наделов — простым (мнение противников общины) или квалифицированным (мнение сторонников общины), он предложил компромисс: простым большинством лиц, которые владеют $\frac{2}{3}$ земли и платят столько же налогов⁴⁹. Таким образом,

даже идейные противники общины вынуждены были считаться в тот момент с доводами в ее пользу, опиравшимися на реальные факты среднеазиатской действительности.

III

Как уже отмечалось, в самом начале 1880-х годов в России произошли события, которые изменили ход обсуждения проблем земельного устройства Средней Азии, внесли в это обсуждение новую интригу. В феврале 1881 года был убит император Александр II, симпатизировавший либералам, и на престол взошел ярый консерватор 36-летний Александр III. Начались кадровые перемены, настроения в российском правительстве стали меняться в более консервативную сторону.

В марте 1881 года, через несколько дней после гибели императора, у Кауфмана произошел тяжелый инсульт. Исполняющим должность генерал-губернатора был назначен начальник Семиреченской области генерал-лейтенант Г. А. Колпаковский, который, как свидетельствуют источники, находился в непростых отношениях с Кауфманом, хотя и был неформально его «первым замом». При Колпаковском ташкентская администрация предложила новый вариант проекта Положения об управлении Туркестанского края. Он был подготовлен еще при Кауфмане и во многом повторял положения предыдущих проектов, хотя и в более смягченной форме.

Новый проект должна была обсуждать специальная комиссия под председательством генерал-адъютанта М. Д. Скобелева, героя среднеазиатских и балканских походов, любимца Кауфмана и «начальника» Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства в 1875–1876 годах. Весной 1882 года 40-летний Скобелев, человек «без убеждений»⁵⁰, рассматривался в верхах как возможная ключевая фигура при принятии новых решений по Туркестану. Впрочем, уже тогда его амбиции простирались гораздо дальше, а назначение в Туркестан могло восприниматься этим непредсказуемым и политически опасным генералом, имевшим к тому же недружелюбные отношения с новым императором, как почетная ссылка⁵¹. В конечном счете выбор был сделан не в пользу Скобелева, а вскоре, в июне того же 1882 года, он неожиданно умер.

В мае скончался уже год как отошедший от дел Кауфман. Почти сразу часть территории Туркестанского края была выделена в

отдельное Степное генерал-губернаторство (лишь в 1898 году оно вновь вошло в состав Туркестана), созданное, как считают, специально для Колпаковского⁵². На место же Кауфмана был назначен генерал-лейтенант М. Г. Черняев*. Этому способствовали личные симпатии к нему Александра III и давнее приятельство Черняева с новым министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым.

Черняев был хорошо знаком с Туркестаном. Именно он в 1865—1866 годах возглавлял Туркестанскую область, входившую тогда в состав Оренбургского генерал-губернаторства. Будучи своевольным человеком, он затягивал выполнение указаний оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского, пытался действовать через его голову. В конце 1865 года Крыжановский добился замены Черняева, в марте 1866 года на его место был назначен генерал-майор Генерального штаба Д. И. Романовский. При назначении в 1867 году первого генерал-губернатора отдельного Туркестанского края Черняев с помощью своих сторонников в Санкт-Петербурге попытался протолкнуть свою кандидатуру, но потерпел неудачу⁵⁵. Считая себя, по-видимому, несправедливо обойденным, он весьма прохладно воспринял назначение и деятельность Кауфмана, отнявшего у него славу «первого устроителя» Туркестана, и постоянно критиковал туркестанские порядки в своей газете «Русский мир»⁵⁶. В 1875 году Кауфман даже вынужден был обратиться к Александру II с просьбой положить конец «черняевской травле»⁵⁷.

К какой партии мог принадлежать такой человек? Факты рисуют очень противоречивую картину. Черняев отрицательно относился ко многим реформам Александра II, считал его безвольным человеком,

* Михаил Григорьевич Черняев (1828—1898). Из бедного и «худого» дворянского рода, мать — француженка. Участвовал в Крымской войне и в войне на Кавказе, в 1864 году — начальник Западно-Сибирского отряда. За взятие Аулие-ата (нынешний Жамбыл) получил чин генерал-майора, за успешную военную кампанию 1864 года был награжден сразу 3 орденами. В 1865 году под его руководством был завоеван Ташкент, за что Черняев получил золотую саблю с бриллиантами. В 1866 году отозван с должностей в Туркестане и подвизался в журналистике — стал владельцем реакционной славянофильской газеты «Русский мир». В 1875 году вышел в отставку, в 1876 возглавил сербскую армию во время восстания против турок, в 1882 году — генерал-лейтенант, в 1882—1884 годах — генерал-губернатор Туркестанского края, в 1890 году — член Военного совета. Из воспоминаний о нем: «Простое, чуть-чуть калмыковатое лицо его было по типу довольно заурядно <...> генералом в общепринятом смысле Михаил Григорьевич вовсе не смотрелся»⁵³; «при жизни он был одинок, не имел ни связей, ни протекции и только силою своего таланта, настойчивости и мужества выдвинулся из толпы»⁵⁴.

М. Г. Черняев

не знающим русской жизни и благоволящим к «немцам», то есть скорее может считаться консерватором (недаром был какое-то время в хороших отношениях с будущим императором Александром III). В то же время, выступая против деяний своего предшественника, новый генерал-губернатор в вопросе о земельной собственности вольно или невольно оказался самым что ни на есть либералом⁵⁸. Не надо, однако, забывать, что Черняев был в прекрасных отношениях с князем Барятинским и графом Шуваловым, которые, как мы помним, еще в 1860–1870-е годы сформулировали консервативные доводы против общины⁵⁰.

Тем не менее, если руководствоваться оппозицией «либералы — консерваторы», то ситуация складывается парадоксальная: при либеральном Кауфмане администрация Туркестанского края отстаивает в земельном вопросе умеренно консервативную точку зрения, а центральное правительство — либеральную; при консерваторе и ярлом славянофиле Черняеве все становится наоборот — в Ташкенте вдруг в какой-то момент начинают поддерживать ярко выраженную либеральную точку зрения, тогда как в Петербурге вынуждены притормаживать туркестанские порывы к резким переменам.

По предложению Черняева в Туркестанский край была направлена с ревизией комиссия во главе с действительным тайным советником Ф. К. Гирсом*. В состав ее входили люди, хорошо знавшие регион. Особенно знаменательна фигура представителя министерства финансов, будущего консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского: в начале 1870-х годов он работал торговым агентом от министерства финансов в Туркестане, вступил в конфликт с Кауфманом и по настоянию последнего вынужден был уехать из края. В 1882–1883 годах члены комиссии собирали материалы для выработки Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством. Семья Гирсов в то время была очень влиятельной при петербургском дворе, поэтому комиссия имела мощную поддержку и могла делать самые радикальные выводы.

Изложение итогов ревизии Гирс начал с утверждения, что комиссией исследовались «существующие формы фактического владения землею, так, как они найдены ею на месте», а не научные определения «на основании источников мусульманской юриспруденции»⁶¹. При таком анализе комиссия пришла к категорическому выводу: «Общественное владение землею, которое лежит в основании нашей сельской общины, в здешней местности не существует... Каждое селение в Туркестанском крае разделяется на участки, владельцы которых пользуются ими на праве полной собственности»⁶². «Община существует только в отношениях поводных, а не поземельных. Каждый владелец земли участвует, сообщая с другими в поддержании не только главного арыка... но и пользуется водою этих арыков, сообразно степени своего участка в их поддержании»⁶³. Из этого, правда, не последовало каких-либо рекомендаций по регулированию «отношений поводных»: ирригационную систему просто следовало оставить в «народном управлении». Что же касается земельного вопроса, то Гирс предложил передать все угодья «туземцам» на правах полной частной собственности. Участники ревизии

* Федор Карлович Гирс (1824–1891). По происхождению — из Швеции. Член Совета министра внутренних дел, в 1865 году — председатель Комиссии по изучению быта киргизов и начал, в которых должно быть устроено управление степями. В 1867 году — тайный советник, в 1880 — действительный тайный советник, в 1882–1883 годах — глава комиссии по ревизии Туркестанского края, в 1888 году — по урегулированию споров на Кавказе. Президент Евангелическо-лютеранской консистории⁶⁰. Важные должности занимали и его братья: А. К. Гирс был одним из деятелей крестьянской реформы, членом Совета министра внутренних дел и Совета министра финансов, Н. К. Гирс — министром иностранных дел.

были убеждены, что «при изменении податной системы и поземельного владения, в Ферганской области права собственников земли были нарушены — обращением земель в общинное пользование селений» и что введение прежде в Средней Азии не практиковавшейся раскладки податей по селениям было продиктовано представлениями о русской общине⁶⁴. В предложенном Гирсом проекте решения земельного вопроса общинная форма землевладения вообще не упоминалась.

К сказанному надо добавить, что ревизия проводилась в полном согласии с Черняевым и тот даже ссылался на ее результаты, чтобы отменить некоторые распоряжения предыдущего генерал-губернатора. Тем не менее сам Черняев многие предложения Гирса считал легковесными.

Пребывание Черняева на посту генерал-губернатора было недолгим. Возможно, поддержка им либерального земельного проекта, обусловленная личными по преимуществу мотивами, привела к тому, что противники Черняева из кауфманской администрации получили весомую поддержку от консервативного блока в центральных органах власти. Сказалось и то, что он успел наделать немало ошибок и еще раз показать всем свой неуживчивый характер. В январе 1884 года Черняев был отозван из Туркестана, чему, в частности, поспособствовал и министр иностранных дел Н. К. Гирс. На личной встрече Александр III сказал Черняеву: «Вы поссорились со всеми»⁶⁵. И уже 21 января начала работу новая комиссия под руководством генерал-адъютанта, графа Н. П. Игнатьева*.

Комиссия Игнатьева должна была подготовить окончательный проект Положения об управлении Туркестанского края, используя для этого наработки «кауфманской» администрации от 1881 года и материалы ревизии Гирса. В комиссию вошли многие известные деятели: будущий туркестанский генерал-губернатор Н. О. фон Розенбах, будущий начальник Закаспийской области, будущий военный министр и туркестанский генерал-губернатор генерал-майор

* Николай Павлович Игнатьев (1832–1908). Из известной семьи графов Игнатьевых. В 1858 году, будучи офицером Генерального штаба, возглавлял дипломатическую миссию в Хиву и Бухару, где подписал ряд выгодных для России соглашений, в частности о плавании русских судов по Аму-Дарье. В начале 1860-х годов — директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Был близок к Черняеву, которого поощрял к самостоятельным действиям по захвату Ташкента. В 1864–1877 годах — посол в Константинополе, в 1878 году — генерал от инфантерии, в 1881–1882 годах — министр внутренних дел.

А. Н. Куропаткин, такие знатоки региона, как А. К. Абрамов, Л. Н. Соболев, действительный статский советник А. Л. Кун, а также Ф. К. Гирс, начальник Азиатского департамента Зиновьев и другие. Членами комиссии были недоброжелатели Черняева, например Абрамов и Кун, которые в 1882–1883 годах вынуждены были покинуть Туркестан, поэтому Черняев фактически отказался принять участие в ее работе.

Мнения в комиссия разделялись: одни поддерживали проект 1881 года, составленный еще при Кауфмане, и соответственно только владельческие права на землю, другие — мнение комиссии Гирса о введении права полной собственности. Но большинство было все же за владение, тем более, что скептическое отношение к предложениям Гирса выказали авторитетные «туркестанцы» — Абрамов, Куропаткин, Кун⁶⁶.

Примечательно, что на стороне противников Черняева оказался генерал Абрамов*, который в начале 1860-х служил под началом Черняева и даже слыл «черняевцем». Будучи в 1870-е годы начальником Зеравшанского округа и потом Ферганской области, он стал одним из наиболее верных соратников и единомышленников Кауфмана, активным участником всех комиссий по земельному переустройству Туркестана.

Выступая как бы от лица старых туркестанцев, Абрамов писал в своих комментариях к ревизии Гирса о необоснованности «громких тирад ратования против общинного начала»⁶⁸. Вместе с тем он отверг все обвинения администрации Туркестанского края в желании сохранить общину. Абрамов утверждал, что Кауфман и его единомышленники понимали нежелательность общинного владения в крае по политическим мотивам («в Туркестане нет никакой надобности таким способом давать возможность сплотиться чуждым и

* Александр Константинович Абрамов (1836–1886). Из дворян Новгородской губернии. С 1863 года участвовал в военных походах в Средней Азии, в 1865 году под началом Черняева участвовал во взятии Ташкента, за что получил орден Святого Георгия 4-й степени. После взятия Ходжента — подполковник, в 1868 году после взятия г. Ургута — генерал-майор, тогда же был назначен начальником Зеравшанского округа. В 1870 году возглавлял военную и научную Искандеркульскую экспедицию, тогда же избран действительным членом Императорского Русского географического общества. 17 марта 1877 года после отъезда Скобелева на войну в Турцию был назначен начальником Ферганской области. В 1879 году — генерал-лейтенант, летом 1882 года — исполняющий обязанности туркестанского генерал-губернатора, в 1883 году назначен командиром 4-й пехотной дивизии, в 1886 году — командир 13-й пехотной дивизии⁶⁷.

враждебным нам общественным интересам»⁶⁹). В проектах 1873 и 1881 годов, по его мнению, говорилось лишь о допущении общинного землевладения там, где оно уже было, и там, где может еще встретиться, но в них «нет ни единого слова ни даже намек в пользу общины»⁷⁰. Общинного владения в Туркестане нет, и «никто никогда противного не утверждал и общинного владения краю не навязывал, ни в какой форме и ни в каком виде»⁷¹. «Не найдя общины в земле, Ревизия нашла её в проекте 1873 г., где ее еще меньше, чем в земле»⁷². Абрамов оспорил и идею Гирса о водной общине: «Во всем этом какое-то общинное начало и чувствуется, но только чувствуется и то, крайне неосознательно и вовсе неопределенно. Не видно где же эта водная община начинается и где она кончается? Не очерчен вовсе круг ее. А без этого нельзя себе представить и практической организации такой водной общины»⁷³.

Дискуссия Абрамова с Гирсом показывает: ради того, чтобы отстоять главный пункт о первенствующей роли государства в земельных делах, «кауфманцы» с легкостью отказывались от защиты общины и даже от признания самого факта ее существования. Более того, Абрамов в своих комментариях предстает еще большим противником общины, чем Гирс. Мало того, что он фактически отказывается обсуждать тему водной общины, в которой, казалось бы, можно было найти «лазейку» для протаскивания коллективных форм собственности. Он выдвигает против общины соображения общего плана, причем главное из них заключается не в том, что община тормозит прогресс в экономике, а в политической нецелесообразности сохранять институт возможного сопротивления русской власти. Таким образом, «консервативно-либеральная» формула, в свое время изготовленная комиссией Непокойчитского, снова всплывает как наиболее приемлемый, компромиссный вариант земельного устройства в Туркестане.

В феврале 1884 года новым генерал-губернатором Туркестанского края стал генерал-адъютант Н. О. фон Розенбах. Его, видимо, не связывали какие-то личные симпатии или антипатии со сторонниками Черняева или Кауфмана. Он критически относился к многим начинаниям Кауфмана, но оценивал их не так эмоционально, как Черняев. В его деятельности прослеживается скорее «средняя линия», крайности обеих туркестанских партий им отбрасывались. Он стал исправлять очевидные перекосы политики Черняева, но и к тем принципам, которые исповедовал Кауфман, в полном объеме не вернулся. Немаловажно, что к этому времени даже среди старых

чиновников Туркестанского края возобладало мнение, ярко сформулированное Военным губернатором Зеравшанского округа (позднее Самаркандской области) Г. А. Арандаренко: «Как в формах семейной жизни... туземцев преобладает начало личное, а не общинное, так во всех больших и малых предприятиях туземцев ясно обозначается всегда полная разобщенность, неспособность к труду на общинных артельных началах»⁷⁴.

В 1886 году вопрос о поземельном устройстве Туркестанского края рассматривал Государственный совет. Он отказался и признать земли государственными, как предлагали Кауфман и его сторонники, и передать их в полную собственность «туземцев», на чем настаивала комиссия Гирса⁷⁵. В утвержденном 12 июня 1886 года и введенном в действие с 1 января следующего года Положении об управлении Туркестанского края в ст. 255 говорится следующее: «За оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном, потомственном его владении, пользовании и распоряжении (земли амляковые), на установленных местным обычаем основаниях»⁷⁶. То был компромисс между сохраняющими остаточное влияние либералами и все-таки еще не окончательно возобладавшими консерваторами. Что касается общины, то в статье 259 находим такую формулировку: «Пользование землями, утвержденными за сельскими обществами или селениями, может быть или общинное или подворно-участковое, сообразно существующему в каждой местности обычаю»⁷⁷. Другой уступкой было сохранение общественной раскладки податей. Впрочем, обусловлена она была не столько идеологическими соображениями, сколько практической невозможностью подворного размежевания. Оно «оказалось непосильным и даже положительно невозможным и пришлось ограничиться измерением всей площади земель общества, а по исчислении всей суммы общего оклада, с него причитающейся, предоставить распределение общего оклада самим хозяевам, по внутренней между собой раскладке»⁷⁸.

Таков итог бурной и многолетней дискуссии. Во многом он был закономерен. Российская политика на национальных окраинах никогда не следовала однозначным идеологическим стереотипам, всегда включала существенный элемент прагматизма. Сами дебаты были, как правило, кулуарными, а официальные документы принимались такие, которые могли устроить все партии и группировки. Соответственно формулировки в этих документах использовались многозначные и неопределенные, что позволяло на месте каждому отдельному, большому или маленькому, чиновнику по-своему тол-

ковать заложенные в документы смыслы и действовать во многом по своему усмотрению.

Уже через несколько лет после принятия Положения 1886 года стало ясно, что в нем много противоречий и недосказанностей. Однако самая решительная критика этого Положения уже не могла изменить ситуацию, и власть уже не пыталась вносить существенные коррективы в принятый документ, который со временем все меньше и меньше направлял российскую политику в Средней Азии. Возвращаясь же к общине, следует признать, что в результате довольно ожесточенных споров русские чиновники — «эксперты» того времени в подавляющем своем большинстве пришли к выводу: **среднеазиатской поземельной общины как массового явления не существует.**

IV

Это мнение господствовало вплоть до крушения Российской империи. Однако, соглашаясь с ним, «эксперты» конца XIX — начала XX века стали уточнять, что община в Средней Азии все-таки должна была существовать в предшествующие времена. Этот тезис не подкреплялся историческими исследованиями, а просто выводился из господствовавшей в то время эволюционистской концепции, согласно которой любое человеческое сообщество неизбежно переживало последовательные этапы развития от общинной к частной собственности на землю⁷⁹.

Тезис получил и официальное признание. По императорскому указу от 18 июня 1908 года в Туркестанском крае была проведена вторая ревизия, руководил ею граф К. К. Пален. Он подтвердил выводы, полученные в ходе дискуссии 1860–1880-х годов, но сделал при этом следующую оговорку: «Несомненно, в прошлом везде в Средней Азии существовала общественная форма землевладения, с переделами полей, но эта форма давно уже уступила место мелкой частной собственности»⁸⁰. Подобного рода оговорки оставляли возможность и для реинтерпретации настоящего: ведь грань между ним и прошлым всегда подвижна, ее можно отодвинуть от современности или, наоборот, приблизить к ней.

В 1920-х годах спор об общине в Средней Азии на короткое время возобновился. Стимулировался он отчасти советизацией территорий, которые прежде находились под управлением Бухарского и

Хивинского ханств и не успели испытать на себе влияния реформ русской власти, разрушивших, как считали некоторые, коллективные формы землепользования. Появились работы, описывающие общинные отношения преимущественно в этих областях⁸¹. Однако истинная причина вновь вспыхнувшего интереса к общине состояла в том, что большевики, в отличие от чиновных либералов, дальнейший социально-экономический прогресс связывали уже не с частной собственностью, а с коллективной и пытались экспериментировать с различными формами последней.

Не вникая в детали дискуссии тех лет, скажу лишь, что ее итогом стало возвращение к взглядам, господствовавшим на рубеже веков. Экономист-марксист Е. Зелькина писала в 1930 году: «Уже к моменту завоевания (Средней Азии. — С. А.) от общинного землепользования на государственных землях остались одни воспоминания»⁸². По ее мнению, первый туркестанский генерал-губернатор пытался сохранить общинные отношения, но в Положении об управлении Туркестанского края 1886 года четко была сделана ставка на частную собственность⁸³.

В очередной раз «общинный вопрос» обсуждался в 1950–1960-е годы. Этому способствовали некоторые идеологические послабления в эпоху хрущевской «оттепели», а также повышенное внимание к реформаторской деятельности новых, «освободившихся» государств Азии и Африки, которые в большей или меньшей степени пытались повторять опыт России 1920–1930-х годов⁸⁴. Разрушителями прежних представлений об общине в Средней Азии стали в первую очередь этнографы. Еще в 1930-е годы они писали о пережитках общины в наиболее отсталых районах Средней Азии⁸⁵. В 1950-х — начале 1980-х годов появилась целая серия работ, доказывавших существование общины в XIX — начале XX века в центральных земледельческих оазисах⁸⁶. Тогда же некоторые этнографы начали утверждать, что пережитки общинных отношений сохранились и в советское время⁸⁷. С конца 1980-х постепенно возобладала точка зрения, что в Средней Азии общинный земельный строй наличествовал не только в XIX, но и на протяжении всего XX века; только тогда он скрывался под личиной колхозов⁸⁸. В 1990-е годы эта точка зрения перекочевала в публицистическую и политологическую литературу⁸⁹, нашла отражение в высказываниях официальных лиц. Так, нынешний президент Узбекистана написал в одной из своих книг: «Народу Узбекистана исторически присуща общинная форма социальной организации, корнями уходящая в традиционный уклад жизни»⁹⁰.

Итак, уже более ста лет ведется, то затухая, то разгораясь, спор о том, существует (существовала) ли община в Средней Азии. К концу 1880-х возобладали те, кто отрицал наличие общины в Средней Азии, столетие спустя перевес скорее на стороне нашедших общину не только в XIX, но и в XX веке. Чем объяснить такое расхождение между исследователями двух разных эпох?

Может быть, тем, что русские чиновники, в отличие от современных ученых, не имели специальной научной подготовки? Как писал Миддендорф, «насколько я познакомился с членами ферганской Организационной Комиссии (будущая земельно-податная комиссия. — С. А.), состоящей преимущественно из военных, ни один из них не был ни знатоком дела, ни знатоком местных условий. Большинство членов получили плохенькое общее образование»⁹¹. Вдобавок, многие военные были молоды и неопытны в гражданских делах. В 1881 году Н. Ф. Ситняковскому было 36 лет, А. Н. Куропаткину — 33 года, В. П. Наливкину — 29 лет, а Н. С. Лыкошину — вообще 21 год. Однако молодость и отсутствие систематического образования компенсировались, во-первых, любознательностью, стремлением получить новые знания, быстрым обучением практикой, а во-вторых, соприкосновением с живым «материалом», тогда еще не затронутым сильно русским влиянием. Труды таких великолепных знатоков Средней Азии, как упомянутые Наливкин, Лыкошин, Куропаткин, Ситняковский, а также Г. Арандаренко, А. Хорошхин, Н. Гродеков и др., которые служили в армии либо начинали карьеру как военные, до сих пор остаются едва ли не главным источником по исторической этнографии Средней Азии.

Может быть, обнаружены какие-то новые факты, неизвестные в конце XIX — начале XX века? Допустим, что это так; почему же тогда современные этнографические работы по-прежнему основываются главным образом на материалах русских исследователей? Правда, привлекаются преимущественно данные тех предшественников, которые доказывали наличие общины, мнение их оппонентов обычно игнорируется. Оригинальный же вклад заключается в использовании воспоминаний пожилых людей, родившихся в конце XIX века, но всю сознательную жизнь проживших в XX. Это, безусловно, любопытный, но не слишком надежный источник для исторической этнографии.

Может быть, сейчас общину понимают иначе, не так, как ее понимали чиновники и ученые Российской империи? Может быть, нынешние исследователи, используя более совершенный методо-

логический инструментарий, находят общину там, где ее не могли обнаружить люди, вооруженные более примитивной теорией? Действительно, в XIX и в начале XX века общиной называли только такое социальное образование, которое имело достаточно выраженные проявления коллективной собственности на землю (например, в форме регулярного земельного передела). В советское время этот ригоризм подвергся критике со стороны некоторых специалистов по общине. Вот что писали, например, историки-аграрники Л. В. Данилова и В. П. Данилов: «Сужение значения общины до функций поземельной организации, ограничение дуализма коллективного и частного начал тем или иным соотношением общинного и индивидуально-семейного землевладения — один из наиболее существенных недостатков историографии прошлых лет... Определение стадии развития общины, степени ее крепости или, напротив, разложения по удельному весу коллективного и семейно-индивидуального землевладения... вело к отождествлению общины... с хозяйственной организацией, т. е. к узко экономическому, а точнее к технологическому решению проблемы. Неизбежное следствие изложенного здесь взгляда — выпадение из поля зрения общины как целостного социального организма»⁹². В советской этнографии с определенного момента тоже стали уделять больше внимания социальным и культурным функциям общины⁹³.

И все-таки эти доводы не вполне работают. Во-первых, было бы преждевременным полагать, что полная смена теоретических подходов к изучению общины и отказ от «экономического детерминизма» действительно состоялись. Напомню, что те исследователи, которые находят общину в Средней Азии в XIX–XX веках (например, С. П. Поляков), до сих пор пытаются в первую очередь обнаружить в качестве доказательства признаки коллективной собственности и коллективного производства. Во-вторых, изменение теоретических установок не обязательно было главным фактором возрождения интереса к общине. Напротив, именно возрождение по тем или иным причинам такого интереса подвигнуло к поиску новых аргументов в пользу существования общины. Последнее обстоятельство опять, как и в 1860–1880-х годах, возвращает нас в область политики и идеологии.

Тогда спор об общине носил не только и не столько научный характер, сколько был частью политического, идеологического, а иногда административно-ведомственного и даже личного противостояния внутри российской элиты. Для участников спора поиск

«нейтрального» или «объективного» взгляда на то, что происходило в среднеазиатском обществе, был менее важен, чем выбор механизмов, институтов, символов, с помощью которых русская власть намеревалась управлять Туркестанским краем.

То же самое можно сказать и о сегодняшнем дне. Однако, если в конце XIX века преобладающим настроением было ожидание прогресса, который ассоциировался с разрушением общины и развитием частной собственности, то в конце XX идея прогресса оказалась для части интеллектуалов дискредитирована, что привело к росту интереса к старым общинным теориям. Впрочем, смешались самые разные причины. С одной стороны, по инерции продолжают сохраняться остатки коммунистических идей, которые давно превратились в бытовые стереотипы «постсоветского» человека. С другой, в нынешних независимых государствах Средней Азии набирают силу национализм и сопутствующая ему надежда найти какой-то особый путь развития, не схожий с тем, по которому движется индивидуалистический западный мир, а значит, по принципу антитезиса, уводящего к общине и общинному коллективизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Степанов В. Л. Государственная власть и община во второй половине XIX — начале XX в. // Система государственного феодализма в России. Вып. 2. М., 1993. С. 369.

² Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М., 1972. С. 187–200.

³ Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 99–126; она же. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 72–99.

⁴ Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX в.). Л., 1972. С. 128–135.

⁵ Там же. С. 147–149.

⁶ Там же. С. 149–150.

⁷ Там же. С. 153–160.

⁸ Бертолисси С., Сестан Л. Община и политический кризис в России на рубеже двух веков // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 126.

⁹ Степанов В. Л. Государственная власть и община... С. 375.

¹⁰ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964.

¹¹ Чернуха В. Г. Указ. соч. С. 195.

¹² Степанов В. Л. Указ. соч. С. 378.

¹³ Чернышевский Н. Г. Критика философских предубеждений против общинного владения // Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. Т. 1. М., 1948. С. 698, 731.

- ¹⁴ См.: *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956.
- ¹⁵ *Маркс К.* наброски ответа на письмо В. И. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 19. М., 1961.
- ¹⁶ *Гейнс А. К.* Управление Ташкентом при Кокандском владычестве (как характеристика администрации среднеазиатских городов) // *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов. СПб., 1898. Т. 2. С. 441.
- ¹⁷ Объяснительная записка к положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей // *Гейнс А. К.* Указ. соч. Приложение 1. С. 49–50.
- ¹⁸ Русский биографический словарь. Ибак—Ключарев. СПб., 1897. С. 562–564.
- ¹⁹ Цит. по: *Глуценко Е.* Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001. С. 25.
- ²⁰ *Савицкий А. П.* Поземельный вопрос в Туркестане (В проектах и законах 1867–1886 гг.). Ташкент, 1963. С. 44.
- ²¹ Там же.
- ²² *Савицкий А. П.* Указ. соч. С. 46.
- ²³ Там же. С. 49.
- ²⁴ *Терентьев М. А.* Статистические очерки Среднеазиатской России // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению статистики. СПб., 1874. Т. 4. С. 92.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Терентьев М. А.* Указ. соч. С. 94.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К. П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб., 1885. С. 228.
- ²⁹ Там же. С. 254–255.
- ³⁰ Там же. С. 258.
- ³¹ Пояснительная записка к проекту Положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1874. С. 57.
- ³² Русский биографический словарь. Нааке-Накенский—Николай Николаевич Старший. СПб., 1914. С. 237–238.
- ³³ Там же. С. 46.
- ³⁴ Там же. С. 68.
- ³⁵ Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К. П. фон Кауфмана... С. 265–266.
- ³⁶ Там же. С. 266–267.
- ³⁷ Там же. С. 267.
- ³⁸ *Глуценко Е.* Герои Империи... С. 127–128.
- ³⁹ *Литвинов П. П.* Государство и ислам в русском Туркестане (1865–1917) (по архивным материалам). Елец, 1998.
- ⁴⁰ *Савицкий А. П.* Поземельный вопрос в Туркестане... С. 158–159.
- ⁴¹ Там же. С. 162–163.
- ⁴² Там же. С. 173.
- ⁴³ *Миддендорф А. Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. 414.
- ⁴⁴ Там же. С. 464.
- ⁴⁵ Там же. С. 465–466.
- ⁴⁶ Там же. С. 466.

- ⁴⁷ Там же. С. 443.
- ⁴⁸ Там же. С. 467.
- ⁴⁹ Там же. С. 468–469.
- ⁵⁰ Глуценко Е. Герои Империи... С. 310.
- ⁵¹ Там же. С. 328, 436–437.
- ⁵² Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 3. С. 329.
- ⁵³ Вучетич И. Г. Воспоминание о М. Г. Черняеве // Исторический вестник. Год тридцать четвертый. Т. СXXXII. Апрель 1913. С. 216.
- ⁵⁴ Юдин М. Л. Памяти М. Г. Черняева // Исторический вестник. Год тридцать пятый. Т. СXXXVII. Сентябрь 1914. С. 955.
- ⁵⁵ Глуценко Е. Герои Империи... С. 416.
- ⁵⁶ Там же. С. 421–422.
- ⁵⁷ Там же. С. 422.
- ⁵⁸ Савицкий А. П. Указ. соч. С. 115.
- ⁵⁹ Глуценко Е. Указ. соч. С. 417–418.
- ⁶⁰ Русский биографический словарь. Герберский—Гогенлоэ. М., 1916. С. 238.
- ⁶¹ Отчет ревизующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гирса. СПб., 1884. С. 345–346.
- ⁶² Там же. С. 346.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Отчет ревизующего... С. 454.
- ⁶⁵ Глуценко Е. Герои Империи... С. 446.
- ⁶⁶ Объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанским краем. СПб., 1885. С. 83–84.
- ⁶⁷ Русский биографический словарь. Аарон—Император Александр II. СПб., 1896. С. 13–14.
- ⁶⁸ Абрамов А. К., Щербинский Н. С. Записка по вопросу о правах владения землею в Туркестанском крае. СПб., 1885. С. 5.
- ⁶⁹ Там же. С. 9.
- ⁷⁰ Там же. С. 10.
- ⁷¹ Там же. С. 14.
- ⁷² Там же. С. 27.
- ⁷³ Там же. С. 27–28.
- ⁷⁴ Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане (1874–1889). СПб., 1889. С. 353.
- ⁷⁵ Савицкий А. П. Поземельный вопрос в Туркестане... С. 152.
- ⁷⁶ См.: Положение об управлении Туркестанского края // Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины. М., 1997. С. 407.
- ⁷⁷ Там же. С. 408.
- ⁷⁸ Абрамов А. К., Щербинский Н. С. Указ. соч. С. 10.
- ⁷⁹ Ковалевский М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879.
- ⁸⁰ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором гофмейстером Графом К. К. Паленом. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1911. С. 104.
- ⁸¹ См. Русинов В. В. Водоземельные отношения и община у туркмен. Доклад, читанный в заседаниях Туркестанского статистико-экономического общества 2-го и 9-го июня 1918 года. Ташкент, 1918; Полозов В. А. Узбекское общинное землепользование в Ширабадской долине и Каршинской степи Узбекской ССР // Народное хозяйство Средней Азии, 1925. № 7; Современный кишлак Средней Азии (социаль-

но-экономический очерк). Вып. 11. Каракульская волость (Бухарский округ, Узбекская ССР). Ташкент, 1927. С. 36–37; *Басов Д.* Пайкалы Ширабадской долины // За реконструкцию сельского хозяйства, 1929. № 2–3.

⁸² *Зелькина Е.* Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. М., 1930. С. 14.

⁸³ Там же. С. 30, 35–36.

⁸⁴ *Андреев И. Л.* Общинные структуры и некапиталистический путь развития. Владимир, 1973.

⁸⁵ См.: *Кисляков Н. А.* Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахиоболо. Л., 1936; *Кондауров А. Н.* Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940.

⁸⁶ См. *Абдураимов М.* Пережитки сельской общины в узбекском селении Хумсан (XIX — начало XX в.) // Советская этнография, 1959. № 4; *Шаниязов К.* Общинное землепользование в сел. Каллык // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Т. 34. М., 1960; *Кисляков Н. А.* Патриархально-феодалные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века. М.—Л., 1962; *Рассудова Р. Я.* К истории сельской общины в Средней Азии во 2-ой половине XIX — начале XX в. // Советская этнография, 1971. № 1; *Рассудова Р. Я.* Сельская община в бассейне Нижнего Даргома Зеравшанской долины (конец XIX — начало XX в.) // Страны и народы Востока. Вып. 15. М., 1973; *Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодалного города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976; *Абдулхамидов А.* Общинные традиции в орошаемой земледелии дореволюционного Узбекистана (XIX — начало XX в.) // Советская этнография, 1987. № 2.

⁸⁷ *Снесарев Г. П.* Материалы о первобытно-общинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 г. М., 1960.

⁸⁸ См. *Поляков С. П.* Традиционализм в среднеазиатском обществе. М., 1989; *Поляков С. П.* Бытовой ислам и консервативность сельской локальной общности в Средней Азии // Этносоциальные проблемы сельских миграций. М., 1990; *Лобачева Н. П.* Значение общины в жизни семьи (по материалам свадебной обрядности хорезмских узбеков) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.

⁸⁹ См. *Олимов М. А.* Эталон некапиталистического развития? // Народы Азии и Африки, 1989. № 4; [*Микульский Д.*] Традиции среднеазиатской общины // Ислам в России и Средней Азии. М., 1993; *Умнов А.* Общество и государство в Средней Азии и на Среднем Востоке // Мировая экономика и международные отношения, 1996. № 7.

⁹⁰ *Каримов И. А.* Узбекистан — собственная модель перехода на рыночные отношения. Ташкент, 1993. С. 27.

⁹¹ *Миддендорф А. Ф.* Очерки Ферганской долины... С. 429.

⁹² *Данилова Л. В., Данилов В. П.* Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978. С. 15–16.

⁹³ *Громыко М. М.* Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография, 1984. № 5.